

Хирург

Category: Kitapcy, Medisina

написано kitapcy | 24 января, 2025

Хирург ХИРУРГ

Есть у наших стариков поговорка «Голова человека прочнее камня». Другой бы на месте героя моего очерка вряд ли смог вынести все, что выпало на его долю. Сломался бы, стал бы нытиком, днем и ночью проклинаящим судьбу.

А он не поддавался обстоятельствам. Не согнулся, не сетовал. И со спокойным лицом входил в операционную. И руки хирурга не дрожали, а по-прежнему были умными, крепкими, быстрыми...

Чары Байрыев родился на древней геок-тепинской земле. Учился в сельской школе, в 1943 году окончил Ашхабадский мединститут. А несколькими днями спустя вместе с однокурсниками Гельды Ходжакулиевым, Дурды и Реджепом Алиевым отправили на фронт. Но до передовой они не добрались. По пути в Киеве, настигла их телеграмма: «Приказываем срочно вернуться в Ашхабад». Так Чары попал в военный госпиталь и стал под руководством профессора Шапкайца лечить раненых.

После того, как Байрыев больше года проработал в клинике профессора И. Ф. Березина, его первым из туркменских молодых медиков взяли в аспирантуру.

В 1948 году – защита кандидатской диссертации. Впереди забрезжила докторская... Но судьбу молодого ученого круто изменила поездка на берег Каспия,. Собственно говоря, с той поездки и начался Байрыев как ученый, настоящий, самоотверженный исследователь. На мой взгляд, именно эта жизненная веха – из числа важнейших в его судьбе. И, хоть можно было писать о десятках сложнейших операции, блестяще проведенных профессором, упор сегодня делаю на другом: хирург – как это ни парадоксально – нашел способ избавления от многих болезней от многих болезней без хирургического вмешательства...

Но об этом лучше расскажет Чары Байрыевич:

– Приезжаю на Челекен. Зима. Холодно. Поселился в доме у Героя

Советского Союза Мульки Байрамова – он был тогда председателем Челекенского горисполкома. Присматриваюсь к работе здешних медиков –меня же прислали помочь им. И вдруг вижу: местные старики что-то черное накладывают на руки и ноги. Грязь? Но ведь люди ее еще и глотают. «Что это?» – спрашиваю, а мне отвечают: «Озокерит». «Что за озокерит?». «Раньше англичане вывозили его отсюда. Он используется и в ткацкой промышленности, и в военной. Еще им изолируют подводный кабель, что бы был прочнее».

Позвольте, думаю, а лечение здесь причем? Стал расспрашивать стариков. С их слов я записал, с какого времени и от каких болезней применяется озокерит. Набрал целый мешок и повез с собою показать профессору Березину. «Местное народное средство, – говорю, – медициной, почему то до сих пор не изучено».

А я как раз начал работу над докторской диссертацией о лечении переломов суставных костей. Тема тоже интересная. Но я уже загорелся новым делом. Спрашиваю Березина: «Иван Филиппович, а что если я займусь озокерита?». «Тебе виднее», – ответил профессор.

Занялся... А условий – никаких. Пришлось даже за свой организовать в клинике маленький виварий. Проводил опыты по лечению переломов с помощью озокерита на мышах и кроликах. Но сколько же от них грязи! Профессор сердится: «Загрязняешь помещение, Чары Байрыевич! Ты это дело прекращай. Толку из него не выйдет!»

В конце концов удалось с научной точки зрения доказать огромную пользу озокерита в лечении переломов. Начали принимать озокерит в клинике. Больные чувствовали себя хорошо. Но он расслабляет заметно.

Потом я еще раза три ездил на Челекен. Наблюдал, как добывают озокерит, побывал в местечке Дагажик, где его добывали когда-то англичане. Не давал покоя вопрос: «Откуда у этого вещества целебные свойства?»

Привлек к работе микробиолога Садыка Мамедова. Проверил он, – а в озокерите есть микробы! До сих пор об этом никто не сообщал. Мы назвали этот микроб «озокеритная палочка». Почти

десять лет его изучали – и, наконец. Отправились вместе в Москву, в Институт микробиологии АН ССР. Директор института Евгений Николаевич Мишустин долгое время занимался термофильными микробами. Но об «озокеритной палочке» и вообще об озокерите он ничего не слышал, и помогать нам взялся весьма неохотно. Но проведенные в течении месяца исследования подтвердили: да, это вновь открытый микроб, доселе не известный.

Так озокерит стал темой моей будущей докторской диссертации. Правда, вскоре после поездки в Москву меня вызвали в ЦК КПТ: «Занимаетесь ненужным делом доктор. Сворачивайте это занятие». А я им на стол, выкладываю заключение данное, Институтом микробиологии. Успокоились...

А вопросов еще тьма. Ну вот, такой скажем: каково происхождение озокерита? В одном научном журнале я прочитал о том, что озокерит есть в составе метеоритов. Но, в таком случае, откуда в нем микробы?

Есть в Москве научный центр по изучению метеоритов. Едем туда. Получаем кусок метеорита весом три килограмма двести граммов. Приехав в Ашхабад, в стерильных условиях исследовали метеорит и увидели, что и в нем есть микробы! Вновь едим в Москву. А нам явно не верят: ну, откуда микробы, сама жизнь в космосе? Словом, была создана солидная комиссия. В нее вошли академик Мишустин, доктор биологических наук Егорова и физик Логинова. Еще месяц проводили опыты. Результаты оказались такими же, как и у нас.

В составе метеорита есть микробы! Это было научной сенсацией! Столичные газеты одна за другой сообщали о ней.

Довольные мы с Садыковым вернулись в Ашхабад. И тут чей-то не добрый звонок – и очередной вызов в ЦК партии. На заседании бюро, куда нас обоих пригласили, заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК разгромил нашу работу пух и прах. У, моего товарища, видно, сдали нервы – бедняге стало плохо, и я оставил его посидеть в приемной, а сам вновь пошел на бюро, один. После того, как я выслушал все претензии, достал из кармана заключение Москвичей: «Сделано научное открытие». Я говорю: «Вы должны гордиться нами». Зав. отделом ЦК, чтобы

настоять на своем пошел в наступление «Это не открытие а обман!»

После этого Садыков над «озокеритной палочкой» не работал. Так я остался без единомышленников. А мытарства еще только начинались.

Закончив докторскую, с трудом сдал ее в Институт усовершенствования врачей в Москве. Но при этом от меня потребовали расписку, что я не буду торопить с рассмотрением. Прошел год и вдруг из Москвы приходит телеграмма: у кого-то из ученых срывается защита диссертации, и поэтому вместо него вызывают меня. Я не мешкал. Заместитель председателя ВАК по экспертизе профессор Макаренко заявил: «Таджикский товарищ Байриев со своим озокеритом отбрасывает хирургию на сто лет назад». Я встал с места: «Во-первых, я не таджикский товарищ, а туркменский. А во-вторых...» – и стал приводить доводы защиты своей работы. Я выиграл бой. Диссертацию направили в ВАК.

Лишь через полгода меня вызвала экспертная комиссия ВАКа. И опять передо мной Макаренко, и по прежнему он упрямо стоит на своем. Но я с отдельными главами диссертации уже ознакомил ведущие вузы страны, и многие их представители выступили в мою поддержку. Поздравили меня: «Теперь возвращайся и жди диплома, пришлют следом». Прошел еще год – ничего ни приходит... Снова вызвали в Москву, теперь уже на пленум ВАКа. Его вел известный ученый Жуков-Варежников. Тут же, за столом, и член пленума академик Кротков. Я его и раньше знал: будучи в Ашхабаде, он заболел и попал в нашу клинику. Березин поручил мне прооперировать его, а мне удалось без операции поставить его на ноги.

Наверное, такое не забывается. Академик Кротков начал свое выступление со слов: «Товарищи, вот этот человек спас меня от смерти...» потом выступил и академик Вишневский: «Я раньше пошел на поводу у председателя экспертной комиссии Савельева, поверил ему, а потому голосовал против. Теперь я убедился в достоинствах озокерита, потому поддерживаю работу Байриева». Но волокита на этом не кончилась. Прошло почти полтора года, прежде чем меня вызвали вновь президиум ВАКа. Заседание вел Жуков-Варежников. Обращаясь к собравшимся, он сказал: «За свое

открытие Байрыев достоин звания доктора наук».

ПОБЕДА! Но торжествовать ее доктору медицинских наук Байрыеву пришлось недолго. Предстоял новый поворот судьбы. Пожалуй самый черный, самый горький виток.

А в 1977 году в институте произошло «ЧП». Громкое «дело об аморалке» затрагивало многих. Отвечать же и за свои просчеты и за чужую вину пришлось ректору, ученому. Заседание бюро ЦК шло четыре часа. В адрес ученого сыпались и справедливые, и вовсе уж не обоснованные обвинения.

Решение было строгим: снять с работы за допущенные грубые просчеты, исключить из партии...

После этого он год работал в мединституте заведующим кафедрой, а потом был переведен на работу в Институт онкологии. «Почему?» – удивился Байрыев, и услышал: «Указание прокуратуры».

Крепко же хотелось кому-то из старых оппонентов ученого свести сним счеты...

С сентября семьдесят восьмого стал работать в коллективе онкологов. И здесь нет покоя. Пришел секретарь Ашхабадского облисполкома: «Чары Байрыевич, мы лишили тебя звания «заслуженного». «Причем тут, спрашиваю – облисполком? Звание дает Верховный Совет. По Указу дает, по Указу и отнимать должен». Настояли по требовали вернуть все документы о присвоении звания.

Стерпел и это. А тут, что ни день, следовательно вызывает. Звонят в регистратуру: «Передайте Чары Байрыеву, чтобы он пришел в прокуратуру, в такой-то кабинет». Естественно, начинаются пересуды.

Я так понял: хотели в любом случае выставить меня преступником. Чего только не придумывали! «Вы везли собаку в город на государственной машине». «Откуда вез?» – растерялся я. «Из Меана-Чача. Вы оставили колхозных овец без присмотра, забрав у чабанов собаку». «Маленького щенка знакомые мне подарили». «Докажите». Поехал в этот колхоз, разыскал своего друга.

Каждый год весной еду в горы собирать лекарственные травы. Собрались мы с родственником в очередную поездку, добрались до

горы Эрек и остановились на привал. Собираю травы и слышу шум мотора. Это на машине приехали начальник заставы и два пограничника с автоматами. «О-о, так вы здесь?» – удивленно спросил офицер. «А где же мне быть?» – ответил я вопросом на вопрос. Он тотчас же из машины по рации куда-то позвонил.: «Оказывается, Байрыев здесь. Нет никуда переходить не собирался. Собирает травы». Прощу объяснить, что случилось. «Вы будто собираетесь перебежать в Иран?» А мне бы и в голову такое не пришло.

Хотеле еще лишить научной степени члена-корреспондента Академии наук. Но президент Академии А. Г. Бабаев защитил: «У нас для этого нет никаких оснований. Если хотите, сами проводите президиум Академии – и снимайте». Послали письмо в ВАК. Оттуда ответили: «Центральный Комитет вашей республики не имеет никакого отношения к науке. Определять, достоин ли человек звания предоставьте нам».

Наконец, кончились допросы и бумажные «уколы». Но обида-то не прошла. И я стал писать заявления о восстановление в партии. Несколько раз меня вызывали в ЦК КПСС, со мной обстоятельно беседовали и ... говорили, в конце концов, что рассматривать мое дело должны на месте, в Ашхабаде. Так и вышло. Но рассмотрели его только через десять лет после моего снятия с работы, когда в руководство ЦК Компартии республики пришли новые люди.

***

Доктор медицинских наук, член – корреспондент Академии наук Туркменистана, профессор Чары Байрыев работает сейчас старшим научным сотрудником в Туркменском НИИ онкологии.

Не озлобился на всех и вся, не предал клятву Гиппократу, а продолжает заниматься своим главным делом – спасать жизни людей. Что ж, рано или поздно справедливость должна была восторжествовать.

А. Чуриев.

«Туркменская искра» 15.01.1992 год. Medicina